

18+

КУСОК ЖИЗНИ

Алексей
Кречетов



Алексей Кречетов

Кусок жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48819774

ISBN 9785005089755

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если хочешь быть реалистом, то будь им. Здесь не нужно творчество. Показывай, в первую очередь, себя и показывай то, как видишь всё вокруг. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Предисловие-рассказ | 5 |
| Часть 1 | 10 |
| Глава 1 | 10 |
| Глава 2 | 12 |
| Глава 3 | 16 |
| Глава 4 | 18 |
| Глава 5 | 23 |
| Глава 6 | 25 |
| Глава 7 | 28 |
| Глава 8 | 32 |
| Глава 9 | 36 |
| Глава 10 | 38 |
| Глава 11 | 42 |
| Глава 12 | 46 |
| Глава 13 | 49 |
| Глава 14 | 51 |
| Глава 15 | 53 |
| Глава 16 | 56 |
| Глава 16 | 58 |
| Часть 2 | 60 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 69 |

Кусок жизни

Алексей Кречетов

Фотограф Kristy Mekh

Фотограф Матвей Бояршинов

Фотограф Дмитрий Конин

© Алексей Кречетов, 2019

© Kristy Mekh, фотографии, 2019

© Матвей Бояршинов, фотографии, 2019

© Дмитрий Конин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-8975-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие-рассказ

13 матерных слов

Однажды я повстречал интересного человека. Он мне показался копией меня. Только он был абсолютным распиздяем. А я тогда был в тумане. Он рассказал мне одну историю из студенческой жизни, из которой я сделал рассказ.

С него-то я и хотел бы начать эту книгу.

Потому что с этого всё началось.

Старый препод был с бодуна. Маленького роста, без шеи, голова прямоугольная вытянутая, волосы на ней короткие чёрные с редкой проседью, под широким «красным» носом имеются густые короткие усики, но не такие как у Гитлера, а больше, на длину верхней губы.

Рулеткин Владимир Владимирович забухал вчера в подвале у другого препода – Барабанова Владимира Ильича. Сентябрь. Начало учебного года. Студенты последних курсов заходили, чтобы «пожелать здоровья», и презентовали коньяк, водку, портвейн, вино. Преподады задушевно беседовали со студентами, рассказывали птенцам невероятные истории, показывали щенкам невероятные фокусы. После рабочего дня, вечером, на тротуаре поскользнулся Владимир Ильич и сломал ногу. Рулеткин остался один. С другими пре-

подами у него были натянутые отношения. Наверное, они просто не бухали друг с другом. Рулеткин стал напиваться каждый день к вечеру. Утро за утром ему становилось всё омерзительнее как на душе, так и в теле. И пара за парой молодые студенты первокурсники становились всё распушеннее, громче, в общем, также, как и его состояние.

Голова Рулеткина гудит. Студенты разговаривают между собой и кричат, совсем не обращая на него внимания. Он поставил несколько «двоек» и выгнал одного ученика. Все затихли. Он отвернулся от класса и стал выводить мелом тему урока.

– Пидар усатый! – сказал кто-то из студентов, и класс взорвался хохотом.

Рулеткин написал на доске такой заголовок: «13 матерных слов» и сказал:

– Если назовёте сейчас 13 матерных слов, то я разрешу вам материться на моих уроках. А если нет, то вы заткнёте свои ебальники и будем изучать предмет. Даю вам 30 минут. Время пошло! Слова должны быть разные. Первое слово есть, осталось ещё 12.

Студенты были удивлены и обрадованы, их лица выглядели так, будто они кончили и обосрались. Посыпались ответы.

– Блядь!

Рулеткин записал его на доске. Осталось 11.

– Сука!

– Это литературное слово. Но хуй с вами, пусть будет, как

фора. Осталось 10.

– Пизда!

– Куда ж без неё!?

Рулеткин записал его на доске. Осталось 9.

– Хуй!

– Куда ж без него!?

Рулеткин записал его на доске. Осталось 8.

– Ебать, ёбля, ёбаный в рот! – кричали с разных сторон.

– Это одно «ЕБ», а остальное – его производные! – отметил Рулеткин и записал его на доске. Осталось 7.

– Гандон!

Рулеткин записал его на доске. Осталось 6.

Дальше становилось сложнее. Владение матом кружилось вокруг «ху», «пизд», «еб».

– Шлюха! – выкрикнул кто-то радостно-прерадостно.

Рулеткин записал его на доске. Осталось 5.

У студентов были задумчивые лица. А у Рулеткина – самодовольная красная рожа. Он посматривал на часы и ждал перемены, чтобы заправить в себя «топливо» и поднять сигареткой в окно.

– Залупа! Залупа-а-а! – закричал маленький мальчик с задней парты писклявым голосом, а остальные стали хлопать его по плечу, будто парень выиграл какое-то соревнование.

Рулеткин записал его на доске. Осталось 4. Раздался звонок на перемену.

– Даю вам ещё пять минут! – сказал Рулеткин и ушёл к себе в каморку.

Ребята по-прежнему сидели и думали. А в кабинете, тем временем, становилось люднее.

Каморка Рулеткина была завалена разным барахлом: тряпичные картины каких-то учёных, стулья, доски, рейки, книги, газеты, журналы, стенды с советских времён. Стены серые, потолок высокий. В глубине каморки возле окна стоит стол и два стула. Рулеткин распахнул окно наполовину, подкурил сигарету деревянными спичками и выпустил большое облако дыма на улицу. Из выдвижного ящика он достал бутылку портвейна «777», а из своего портфеля – бутылку кока-колы. С колой любое бухло заходит приятнее, будто закусываешь конфеткой и запиваешь морсом. Он сделал несколько жадных глотков, кашлянул, забрызгал стол слюнями. Некоторое время он сидел неподвижно, сторбившись-съёжившись. Взгляд его стал тупым и бесчувственным. ДЗЫЫЫЫнь! Звонок на урок. Рулеткин оживился, встал, вышел из каморки.

Студенты сидели смиренно и молча. У доски стоял директор и молодая препода, которая кивала в стороны своей милой головкой, а чёрная коса её тёрлась о плечо и титьку.

– Безобразие! – сказала она.

А директор стоял задумчивый презадумчивый, а потом заговорил басом.

– Трахаться, дрочить, манда... мудила... этого достатош-

но, Рулеткин?

Рулеткин почесал репу. А красивая преподша, чуть ли не плача, убежала жаловаться завучу.

– Матерных слов только 7 – хуй, пизда, ебать, блядь, пидар, сука, гандон. Остальные названные ругательства – это жаргонизмы, диалектизмы.

– Ты что филолог?

– Нет...

– Ну и нехуй тогда голову ерундой морочить!

Часть 1

Угланство

Глава 1

Сестра

Я никогда не любил детей. Кроме одного маленького человека.

Я с ней нянчился, когда дома никого не было.

У неё была смешная и пухлая мордашка.

Она не умела говорить. Она пускала слюни и кряхтела.

Я не помню, чтобы она плакала, истерила или что-то просила. За это, наверное, я её полюбил.

Я помню, как она заболела и посинела.

Я помню маленький гробик в центре комнаты. Неизвестные люди. Тарелка с деньгами. Мать плачет и забирает у меня деньги, которые я взял посмотреть и не хотел отдавать.

Я помню большие швы на её маленькой головке.

Похороны не помню.

Однажды по телевизору шёл фильм. Там показывали войну. Взорвался дом с детьми. Вот тогда у меня что-то щёлкнуло. Я лёг на кровать, повернулся к стене и плакал навзрыд. Теперь я опять всё вспомнил. Но лишь скупно всплакнул.

И в груди стало тепло.

Глава 2

Прыжок

Я сидел у окна, облокотившись на подоконник, и наблюдал за снегопадом. Огромные хлопья снежинок плавно и грациозно опускались вниз и увеличивали объём белоснежного одеяла, которым было покрыто всё вокруг: земля, крыши домов, головы и плечи. Сугробы были настолько большие и мягкие, что можно было зарыться в них по пояс в один прыжок. За мной и братом пришли ребята, позвали нас гулять.

– Чем займёмся сегодня? – спрашивали мы.

– А пойдёмте прыгать с «Зелёнки»! – предложил кто-то.

«Зелёнка» – старое двухэтажное здание в центре деревни, в котором никто не живёт. В нём нет ни окон, ни дверей. Кирпичи и плиты медленно растаскивали местные жители. Школьники прятались в нём и тайком курили или пили.

8 марта. На улице было светло, середина дня. Нас было пятеро. Мы осмотрели сугробы у подножия «Зелёнки», чтобы во время приземления не наткнуться на камни или арматурины. Большинство решило, что место приземления находится в удовлетворительном состоянии. Все пятеро поднялись на крышу и стали смотреть вниз.

– Высоко!

– Очково? Слабо, прыгнуть?

– Ну да, страхово...

Мы пугали друг друга, «толкая» вниз, и смеялись. А прыгнуть хотелось, ради желанной порции адреналина, которая так необходима молодому организму. Я долго сидел на корточках, смотря вниз, и готовился к прыжку. И вот я решился. Прыжок!

Секунда, а может и меньше, и я внизу, по пояс в снегу. «Хочу, ещё!» – подумал я, и побежал обратно на крышу. А тем временем спрыгнули другие ребята. Довольные они торчали из сугробов, как колья, смеялись и закидывали друг друга снежками. Когда я поднялся наверх, то увидел там последнего, который не решался на прыжок.

– А давай, угарнём?! – предложил он.

– Давай! Как? – согласился я.

– Ты прыгаешь и притворяешься, что сломал ногу!

– Ага! А ты кричи, зови на помощь, будто бы испугался!

И он побежал вниз по лестнице к месту моей посадки.

Прыжок!

Представление началось! Я кричу в истерике и матерюсь!

– Нога!

– Лёха ногу сломал! Как быть? Надо помочь ему! – кричал Саня, стоя рядом со мной, выпучив глаза и размахивая руками. Актёры из нас были никудышные. И никто не спешил ко мне на помощь. Мне надоело притворяться, и я стал выбираться из сугроба.

– А чё было-то? Чё кричал? – спрашивали парни.

– Да уже всё! Пошутить мы хотели, типа я ногу сломал!

А вы даже не спешили на помощь! – возмутился я.

– Я вам говорил, что это прикол! – гордо заявил Олег.

– Знаешь, в чём вы прокололись?

– Ну, говори!

– Сначала я заметил, как вы шепчитесь наверху. А потом Саня переигрывал, слишком громко и нервно кричал. И я сразу подумал, здесь что-то не так, они, наверное, что-то задумали.

– Доктор Ватсон, поздравляю вас с раскрытием злого преступления! – дразнил я его.

– Может, Холмс?

– Нет, Ватсон!

В момент бурного веселья, не далеко от нас, по дороге проходил дедушка:

– Допрыгайте, ноги сломаете! – заявил он, вдруг ни с того ни с сего.

От такого предупреждения ребята засмеялись ещё громче.

«Зелёнка» нам надоела, и мы пошли соревноваться в прыжках в длину со складов за магазином. Высота была намного ниже, чем крыша двухэтажки, примерно полтора метра. Мы разбегаемся и прыгаем в первый раз. Победитель – мой брат. Разбегаемся и прыгаем во второй раз...

Димон торчал из сугроба, истерично смеялся, закатывал глаза и качал головой.

– Нога! – единственное слово, которое он мог тогда выговорить.

Я подошёл к нему и похлопал по плечу:

– Хорош, Димон! Лучше моего притворяешься! – сказал я ему и засмеялся.

Димон засмеялся ещё громче, вцепился в мою руку, из глаз забрызгали слёзы, и он стал кричать, кричать букву «А». Я тогда испугался.

– Хватит, Димон, это уже перебор... – говорил я ему.

– Лёха, ему реально больно, он не шутит!

Все вместе мы достали его из сугроба и заметили, что бедро увеличилось. Все вместе мы подняли его и понесли к дому его бабушки. Мы вспоминали, чему нас учили на уроках ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Повреждённый участок необходимо было «обездвижить», чтобы избежать ухудшения перелома и уменьшить страдания больного. Мы положили Димона на обочине дороги, подложили под голову шарфы и шапки. Телефонов тогда ни у кого не было, не дошла ещё тогда цивилизация до нас. Один побежал за врачом тётёй Ниной. А остальные подбадривали Димона, как могли. Тётя Нина приехала с дядей Васей, загрузили Димку и увезли в больницу. А дядя Вася скороговоркой крикнул на нас:

– Валите, домой, дебилы, раз, гулять спокойно не можете!

Глава 3

Первое слово

Угланами мы летом купались на маленьком пруду. Там, где мелко, берег и дно были глиняные. Там, где глубже – камни.

– Сын моряка, а не умеет плавать! Ха-ха! – угарал кто-то.

Я пулькался на мелководье с другими малышами. Вода баламутилась и становилась красной. Иногда я заходил в воду по шею и под водой показывал всем факи. Вокруг все матерились. А я не умел. Вернее, как-то тяжело мне было сказать эти гадкие слова. Был какой-то внутренний барьер. Родители дома при нас не матерились, когда батя был трезв. Наверное, поэтому я считал мат гадким, но сладким.

И вот я решился. Ушёл с головой под воду и кричу: «заебися пахнет пися, заебися». Вынырнул довольный. Сказал шепотом «заебися». А потом стало ещё легче. Вот как всё просто. Надо только попробовать.

Матерный словарный запас пополнялся медленно.

А потом и плавать научился. Толкнули меня в глубокую яму с напутственной речью:

– Жить захочешь – поплывёшь.

Но я пошёл на дно в первый раз. И во второй. Часто находилась какой-нибудь Добрый человек, который поддерживал меня на плаву. Но потом он обязательно уходил по своим

делаю куда-нибудь. А у меня никогда не было своих дел.

Глава 4

Угар

Вечер. Я сделал уроки, сделал кое-что по дому, как хороший мальчик. Теперь я валяюсь на полу, на ковре, смотрю телевизор. Это мой заслуженный отдых. Как я хочу, так и провожу его. На диване лежит и отдыхает мама после работы. Пришёл отец. Вдруг он стал что-то кричать и громкими шагами зашёл в комнату.

– Дорогая, рассказать тебе, что твой любимый сынок опять учудил? – обратился он к матери, махая руками и садясь на диван.

– Что такое? – она посмотрела на меня.

– Да вроде ничего, – сказал я.

– Дорогая, ты заходила в туалет? – спросил он мать.

– Нет. Говори уже, хватит кривляться.

– Я прихожу домой после трудного рабочего дня. Захожу в туалет, а там! Гавно! Не смывтое! Которое уже засохло.

Мы смеёмся.

– Хули, тут смешного? Это уже не в первый раз, Дорогая.

– Это не я! Наверное, это мама.

– Как выглядит гавно моей Дорогой, я знаю.

– Это не я, – сказал я и смотрел телевизор дальше.

Отец стал хмурый.

– Ой, хватит вам, – сказала мама и ушла в туалет.

Она ушла.

– И не стыдно тебе? Взрослый парень, а мать за ним до сих пор гавно убирает. Тьфу, блядь.

Я не смотрел на него и ничего не отвечал. В груди у меня что-то закипало.

– Пульт отдай.

Я отдал пульт и пошёл одеваться на улицу.

– Куда?

– Гулять.

– Сначала навоз в конюшне вычисти.

Когда я чистил гавно в конюшне, тогда я обзывал и дразнил отца. Становилось легче. И потом уже весёлый я шёл гулять.

Я неблагодарный сын. Потому что я затаил обиду на отца в далёком детстве.

Моя обида – это его запои, которые длились недели или месяцы. Некоторые люди пьют и становятся весёлые и радостные. С моим отцом было всё наоборот. Он разговаривал с телевизором или невидимым собеседником. Он кричал, плакал, ломал вещи, заставлял нас отжиматься и неустанно учил жизни. Он срал словесным негативом. Иногда брался за ножи или топор и сидел так на стуле, на диване или на полу.

– Я всё делаю ради вас, а вам на меня похуй! Уроды! – это была его коронная фраза.

Я умышленно забывал всё хорошее, что он говорил пья-

ный. Я ждал, когда он поговорит со мной трезвый. А трезвый это был абсолютно другой человек. Он был весёлый и злой, и весь в работе. Когда мы работали вместе, мне было хорошо. До тех пор, пока он не выжимал из нас восьмой пот. Тогда я его искренне ненавидел. Но ненависть – это доброе чувство. Ненависть – это демонстрация своего недовольства. Он видел наши надутые и красные рожи и давал нам отдых. Куда хуже была обида, подкармливаемая временем.

Обида к нему внутри меня нарастала. И в итоге дошло до того, что пьяного отца я перестал слушать совсем. А у трезвого спрашивал только одно:

– Почему ты так пьёшь?

– Тебе не понять, – отвечал он иногда или просто молчал.

Я не получал внятного ответа, и обида не проходила. Чем дольше я хранил обиду в себе, тем невозможнее её было выкинуть. Так между мной и отцом образовалась пропасть. И пропасть такая огромная, что не добросить даже крик.

Угланом я не думал о таких вещах. Я любил играть. В тёплые времена с братьями мы играли в машинки. Они ездили на машинках, возили грузы. А я строил дороги, косил сенокосы, собирал камни.

– Бррр

– Вжж

Мне нравилось смотреть, как на моих дорогах появлялись колеи; как на колёса машинок налипала и слетала грязь; как травянистая поляна после наших игр превращалась в вы-

зженную землю.

А зимой, когда я оставался один, то играл в пластилин. Я лепил утокчеловеков, и называл их челобуки. Я лепил для них дома, машины, лодки, космические корабли. В этом мире был даже злодей – стальной крокодил (держалка от штор). Я придумывал разные сценарии, в которых этот злодей грыз челобуков. Кого-то я спасал, кого-то нет.

– Помогите, спасите! – кричал я вместо, погибающего челобука.

Отец видел мои игры и смеялся.

– Печку иди топи. Спаситель!

Я разжигал печку, бежал обратно к пластилину и погружался снова в свой мир.

Стальной крокодил разгрыз лодку вместе с челобуком.

– РРР

А потом я слышу опять голос бати.

– Ты ничего не чувствуешь?

– Нет.

– Мы горим, Алёшенька!

Я молчу, потому что не понимаю его.

– Трубу ты не открыл! Дым! Не видишь?

Я спохватился, побежал открывать трубу (задвижку).

Но весь дом был уже в дыму.

– Мне интересно, что было бы, если меня не было? – спрашивал он.

Я молчал. Я никогда не извинялся. Я смотрел в пол и мол-

чал.

– Так ведь можно угареть и сдохнуть. А теперь будем улицу топить.

Глава 5

Музыка

Батя забухал. Пьёт неделю. Приходит домой без какой-либо закономерности. Включает музыку на полную громкость. Подпевает, смеётся или громко храпит.

– Можно мы пойдём погулять? – спрашиваем мы с братом.

– Нет, сидите дома.

В такой обстановке было тяжело учить уроки или о чём-то думать. А я любил учить уроки. Мы ждали, когда он захрапит и сбежали. Потом он ждал нас ещё более расщевивший.

Он слушал Сплин, Смысловые галлюцинации, Чичерину, Би-2, Танцы минус, Земфиру и проч., и проч. Сначала моя душа отторгала эти однотипные замкнутые мелодии и куплеты. Со временем они понравились, не знаю почему. Особенно, Сплин. У него хорошая простая музыка и интересные тексты.

Время шло. Батя перестал слушать такую музыку. Он вообще перестал слушать музыку. Повзрослел что ли? Я в душе не ебу. В чужую голову не забраться ведь. Когда он хотел выбросить кассеты, я попросил его не выкидывать, а отдать мне.

Больше всего мне нравилось слушать музыку без слов или

на неизвестном языке. Рано или поздно любая наша музыка слипалась в кашу в голове.

Я долго не знал, что есть на свете классическая музыка, которую следует, наверное, включать фоном в детских садах, школах, университетах, заводах, тюрьмах, улицах, торговых центрах, короче везде.

Глава 6

Из деревни в деревню

Я люблю деревню. Серьёзно. Это фундамент моей жизни. Детский сад и начальная школа остались в густом тумане моей памяти. Я не помню, как научился писать и читать. Зато я помню, как ебал канат.

Ни родители, ни бабушки, ни школа не заставляли нас читать святые писания, молитвы. Короче, не получится из меня Максима Горького, заряженного святой гранатой. Никаких глубоких знаний о религиях, только поверхностные обзоры. В средней школе мне полюбились такие предметы: литература, физкультура, химия, история, астрономия, география.

Сначала я был чуть ли не отличник, а в конце школы скатился до абсолютного хорошиста.

В школе было весело, смешно, приятно, грустно, мерзко, одиноко. По-разному. Тогда я прочёл «Войну и мир» и полюбил книги. Больше нравилось читать про военные действия. Я как будто играл в реальную войнушку в голове и не понимал размаха мысли Льва Николаича.

Школа школой, книги книгами, а жить и развлекаться тоже надо.

Первый раз я бухал водку на последнем звонке после 9 классов. Там я первый раз поцеловался. А потом в самый разгар веселья пришла моя мама и ещё чьи-то мамы и забра-

ли меня и кого-то ещё оттуда.

Потом я стал ходить на дискотеки, наш любимый напиток был Джин-тоник. Сигареты – святой георгий или пётр. Мы вставали толпой в угол и бухали, я не танцевал. У нас многие не танцевали.

В 10 классе нас было семеро, а в 11 осталось пятеро учеников. От домашки было уже не проебаться.

Куда дальше? Мама сказала, что денег нет, поступай на бюджет.

Я много не раздумывал, потому что не до этого было. Хотелось веселиться. Лето ж ёптыть. Подал документы в Педагогическую академию на мастера русского языка и литературы. И в Гильдию Чёрного золота на подмастерье геолога. По знаниям я не дотянул до мастера. Но если бы платил, то стал бы мастером. За деньги много чё можно. На бюджетное место в Гильдию я попал, и был очень рад хотя бы этому.

Так я стал жить в общежитии. Там было три с половиной этажа парней и один этаж девочек (пятый). Меня заселили на четвёртый к дембелю. Он недавно пришёл из армии и восстановился в Гильдию Чёрного золота.

В Общежитии и Гильдии было много деревенских ребят. Я будто перебрался из одной в деревню в другую. Зато было весело и со многими у меня было взаимопонимание и угар.

Дембель учил меня заправлять постель. Говорил, что мне надо отжиматься, чтоб я стал здоровее. Вдалеке от родителей я считал этого парня за отца и поэтому слушался. Мы с ним

вместе готовили кушать. А потом он начал брать у меня в долг деньги и не возвращал. Один раз избил меня. Не сильно. Тогда я перестал видеть в нём отца.

Я увидел отца-друга в другом человеке. Это был Мишка-удмурт. С ним было весело. Он был справедлив, честен, расчётлив и очень разговорчив. Я попросился заселиться к ним в комнату пятым человеком. Мне дали добро.

Глава 7

Батька в здании

Расскажу про первый раз.

Она была малолеткой, я тоже. И хуй у меня был малолетний меч-леденец. Он жаждал крещения кровью или просто тёплой пиздёночки.

Имя ей было Декабрина, соответствующее тогдашнему времени.

Я подрабатывал, раздавая агитационные листовки какой-то чмошной политической партии. А она просто гуляла рядом, снег пинала. Я на неё смотрел, смотрел. В глазки её заглядывал, когда она бегала. Наверное, просверлил маленькую дырочку в её головке. Она набрала у меня кучу листовок. Потом мы наконец-то заговорили.

– Меня Лёша зовут.

– А я Декабрина!

Губы у неё были пышные, красные. Волосы тёмные до плеч. Глаза любопытные, жадные, карие. На голове смешная вязаная шапка с бомбошкой. А пахла она чем-то вкусным и сигаретами. Лицо смешанное.

– Никогда такого имени не слышал, – удивился я тогда.

Она много смеялась, хватала меня за руки, жалась ко мне и ещё высмеивала прохожих. Из нас двоих Декабрина была главной.

- Пошли туда!
- Купи пива! Сигарет не забудь!
- Давай тут посидим!
- Деньги кончились? На мои!
- Ты чё такой стеснительный?!

Я и вправду краснел иногда, когда её лицо оказывалось близко ко мне.

Целоваться мы с ней начали быстро, а потом целовались много и всюду.

– Сегодня приходи ко мне, дома никого! – сказала она по телефону.

– Ты бухаешь?

– Да! Можешь прихватить с собой пару бутылок пива и сигареты возьми!

– Хорошо.

Сам я жил тогда в общежитии. Я стал тщательно собираться. Надел самые красивые, чистые, любимые трусы, чистые носки. Долго смотрелся в зеркало.

– Куда это ты так собираешься-то? – спросил меня Мишка – сосед с ухмылкой. Голова у него круглая. Волосы чёрные, редкие. Лицо удмуртское.

– Погулять.

– Ой, не пизди! Нарядился! Вы тока гляньте на него! К бабе пошёл?! Меня не обманешь!

– Ну, допустим.

– Ох, птенец ты наш. Гондоны взял?

А я совсем забыл о них. Он заметил моё замешательство.

– Эх, сынок! Что бы ты делал без дяди Миши! На держи мои!

– Спасибо. Сколько я тебе должен за них?

– Да ничего не нужно. Потом расскажешь, как всё прошло?

Я покраснел, как уголёк.

– Ну не смущайся, чувствительный какой! Я же шучу. Иди и развлекайся! Задай ей там! Уууух!

На улице был поздний вечер. По морозу я бодро дошагал до пятиэтажного дома Декабрины. Я поднялся на пятый этаж. Она встретила меня, уже пьяненькая, румяная и горячая.

– Сигареты взял?

– Да.

– Пошли, покурим.

Мы зашли в ванную, встали возле вытяжки и давай дымить и сосаться.

Потом я подбухнул пива. Декабрина стала ещё вкуснее, несмотря на привкус табака. Я и сам курил. Мы зашли в спальню.

Большая кровать, на одной стене ковёр, на другой – большая полка с книгами. Я рассматривал книги, а Декабрина сидела на кровати и хлестала пиво.

– Слышь! Ты чё книги сюда пришёл читать?!

Мы легли в постель. Целуясь, разделись до трусов.

– У тебя было уже? – спросил я.

– Конечно! А у тебя, что нет?

– Тоже было, – соврал я.

И тут мы услышали шорох в дверях и шум ключа в замке.

– Это чё за хуйня? – спрашиваю я.

– Наверное, батя. Он внизу живёт. Бля... чё делать-то? – она запаниковала.

– Пиздец. Одевайся, быстрее! – сказал я.

Одеться мы не успели. Залетел пьяный мужик в тельняшке, короткостриженный, лицо в морщинах. И как закричит на меня:

– Пошёл вон отсюда, щенок!

Я по-быстрому оделся и сыбался оттудова.

Иду по улице. Первый час ночи. Общага закрыта. Холодно. Я поскользнулся, упал, содрал руку. Ёбаная жизнь.

Возле общаги полчаса вахтёрша баба Зоя поморозила меня, потом пустила.

– Чё-то быстро ты! – угарал потом Мишка.

Глава 8

Кровища

Мы бухали пиво на автовокзале, тогда ещё можно было. Я захотел ссать.

Стою возле забора ссу. Кайф! Оборачиваюсь – менты.

– Простите меня, пожалуйста! Я больше не буду.

– Пошли с нами.

Меня завели в здание автовокзала, в помещение охраны. Посадили в клетку. Там уже сидит один человек, которого принято называть бомжом, наверное. Он бородатый, грязный, в лохмотьях, от него воняет мочой.

– Есть курить? – спросил он.

А у самого на лавке пачка примы лежит. Я сказал, что нет. Мы закурили его приму.

Я курю, сплёвываю чешуйки табака.

– Ты помалкивай. Они для профилактики тебя подержат и отпустят.

– Ага.

А мне, сука, бухать охота. Пиво стынет.

Возвращаются дяди милиционеры. Они тащат подмышки пьяного мужика, ваще в гавнице. А за ними свита: жена его и двое маленьких детей, все горько ревут. Мужик давай сопротивляться. Менты его отпиздили кулаками и дубинками в районе пояса, спины.

– Я на вас заявление напишу! Нельзя же так! – кричала в истерике женщина.

Она ушла.

Мы с бородатым человеком молчим. Избиенного подсадили к нам.

– Пожалуйста, отпустите меня. У меня общага скоро закроется, – решил я ещё раз попробовать отпроситься на волю.

– Нехуй ссать было у всех на виду! Всю ночь будешь полы на вокзале мыть. Будет тебе уроком.

– Виноват, знаю. Раскаиваюсь. Вот у меня даже паспорт есть.

Он посмотрел документ, потом спросил.

– Ну почему ты не пошёл в туалет или куда-нибудь подальше?

– Пиво во всём виновато.

– Конечно, а ты, значит, не причём.

Он повертел в руках документ, покачал головой.

– Выпускай этого студента. Не ссы больше, где попало.

Этот дядька был низкого роста, плотный, смуглый, черно-волосый, остальное смутно помню. Вид у него был заёбанный (уставший).

На улице меня встретили бурными аплодисментами и криками, словно я рок-звезда. Мне понравилось.

Как полагается рок-звезде, на шею мне нависла поклонница. Не сама она, а это мой пронзительный взгляд соблаз-

нил её и вытащил из кокона. Как напьюсь, становлюсь зменьшем-искусителем. А у трезвого с этим проблемы. Хотелось убить этого пьяного уёбка в себе. Я завидовал ему.

Дальше мы бухали и бродили, бродили и бухали. Потом устали и пошли домой, в общагу.

Вспомнил! Звали её Фёкла. Она была, словно персик, сочная и мягкая. На лице было много прыщей.

– Он тебя выебет, потом не вспомнит. Фёкла, не ходи с ним! – говорила ей её подруга.

– Не трожь её! Оставь её в покое, мелкий пиздюк! – говорила её подруга мне.

Но у нас всё зашло очень далеко. Мы завалились на чью-то чужую кровать (их было четыре). Это была не обычная ёбля. Фёкла как будто 100 лет не ебалась. Она была одержима и горяча. Я тоже выдавал из себя всю энергию. Что с ней?

Нахуй я заморачиваюсь?

Еби её и всё!

Вдруг, хуй у меня выскочил, я поправляю его, обратно вставляю. А там мокро, сыро. Пиздец. Я смотрю на руку. Кровь. Я раздвигаю её бёдра и вижу: самую прекрасную пизду на свете!

Зрелище, которое я запомнил на всю жизнь.

Я убил её, растерзал, а потом потрошил и мясил. На чужой кровати, простыне. Чудовище.

Потом я проводил её до автобусной остановки, как джентльмен. И пропал. Уёбок.

А потом спустя много лет сажу такой. Одинокий.
Наверное, за это жизнь-то меня и наказывает.

Глава 9

Мелкий воришка

Когда я жил в общаге Гильдии, мы раз в месяц скидывали всей комнатой деньги на общие нужды (общак). Однажды у меня не было денег. А рядом с общагой открылся новый магазин – супермаркет. Я первый раз тогда был в таком магазине. Честно слово! Там не было ни видеокамер, ни охранников. Мне хотелось сладкого, а денег не хватало. И я крал там арахис в глазури. Вставал возле стойки с конфетами так, чтобы продавцы не видели меня и прятал арахис в рукава. А на кассе покупал бич-пакет, чтобы не вызывать подозрений. Радости тогда были полные штаны. Я увлёкся этим делом не на шутку. Стал таскать ещё шоколадки.

– А давайте я кофе хорошее украду? Это будет мой взнос, – предложил я ребятам.

Долго ломался Мишка-удмурт.

– Хрен с тобой. Только смотри осторожнее.

Он назвал марку кофя.

– Желательно такое!

Не мучили меня никакие угрызения совести. Я мыслил так: главное не спалиться, а если попался, то бежать.

На кофейную кражу нас пошло тогда трое. Если кто-то находил какую-нибудь халяву в общаге, то эта новость расходилась мигом.

– Расскажи, покажи, научи! – попросили меня ребята.

– Ну ладно, пошли.

– Оденьте курточки побольше. Мы должны выглядеть, как Филипки. Чем шире куртка, тем больше туда влезет приколюх.

На подходе к магазину я продолжал инструктаж:

– На продавщиц слишком часто не оглядывайтесь. Им должно показаться, что мы хорошие деревенские ребяташки, которые только глазают на конфеты. Я скажу, когда можно тырить. И помните главное.

– Что?

– Не дёргайтесь! Мы просто за хлебушком пришли.

– Ага!

Мы зашли в магазин. Прошли к конфетам. Продавщица на нас по-матерински посмотрела, улыбнулась и ушла.

– Пора! – скомандовал я.

Ребята насували по-тихому в рукава и внутренние карманы шоколадок и конфет. Я тоже. А потом на витрине я умудрился как-то спиздить маленькую банку кофе. Прихватил ещё жевачку на кассе. Что-то разошёлся я тогда. Мне отбили булку хлеба. Я встал у выхода. Ждал поделльников.

Вдруг одного из них остановили на кассе и сказали:

– Покажи карманы.

А я сыбался оттудова.

Глава 10

Парковка

Общага. Вечер. Я мелкий пиздюк ошиваюсь в коридоре. На этаж заходят два парня в чёрных кожанках.

– Здарова, Малой, денег хочешь заработать? – сказал мне один.

– Хочу!

– Ща, погодь.

Они ушли в какую-то комнату. Потом с ними вышли ещё три человека.

– Нужен один человек на разгрузку вагонов. Тыща за работу! —объявил кто-то.

– Возьмите меня!

– Погодь.

Наверное, я габаритами не вышел. Короче, меня не взяли.

– Завтра в ночь нужен парковщик. 800 рублей за 12 часов.

– Я согласен!

Меня привезли на парковку. Недалеко от общаги. Десять минут пешком.

Фанерная будка стоит на земле. Это моя конура в эту ночь. Походит на уличный туалет.

– Электричество не подвели. Придётся сегодня без света посидеть.

– Хреново, – грустно сказал я.

– Сотку сверху.

– Ладно.

Сотка лишней никогда не бывает.

На улице август. Тепло. Начинает темнеть.

Как только во двор заезжает машина, я подхожу к ней с тетрадкой и говорю:

– 50 рублей за ночь.

– Это с чего вдруг? Ты кто такой?

Я показываю человеку на будку.

– Я парковщик.

– Ничего я платить не буду!

Я никого не уговариваю. Моё дело маленькое – сказать-предложить. Многие отказываются. Кто-то соглашается и даёт мне палтос. И я охраняю его машину. А на тех, которые не платят, мне похуй. Мне сказали поступать с ними так.

– Возьми гвоздь или камень и черкани по их дверям. Или колёса спусти. Только не спались.

Но я так никогда не делал. Зато я делал так. Я мог не записывать машину в тетрадь и палтиник откладывал себе. Делал левак. Мелочь, а приятно.

Ночь. Я сижу в будке. Думать не о чем. Смотрю, как мухи ползают по стенам. Пауки ставят растяжки. Двор очень тихий, безлюдный. Вдруг на горизонте появились какие-то парни. Я струхнул. «Щас отпиздят меня и заберут все деньги, – подумал я, – Бля, чё делать?» Было 700 рублей бумажками, 300 мелочью. Ну, значит, засунул я бумажки в трусы.

Они увидели меня. Подходят и спрашивают.

– Есть курить?

Я угостил их папироской. Они ушли. Только зря переживал. Я достал деньги из трусов, сложил их снова в карман.

В течение ночи ко мне подходили какие-то пьяные дядьки с заплывшими красными харями. Они просили мелочи. Я давал им 10—20 рублей. Но, заметив их издалека, я заранее прятал бумажные деньги в трусы. Пару раз я даже сикнул на них.

Утром приехали хозяева парковки. Привезли другого студента. Я отсчитал 900 рублей себе при них. Остальное отдал им. А в трусах у меня грелось ещё 200 рублей леваком.

– Ну как впечатления? – спросили меня.

– Да нормально. Когда ещё можно поработать? – ответил я.

– Да хоть сегодня.

Я посидел какое-то время в этой будке и в других. Деньги в трусы прятал по-прежнему.

Потом хозяева стали приезжать в середине ночи и собирали всю выручку.

– Одного парковщика отпиздили и забрали все деньги. Вот мы и подстраховываемся.

Потом меня стали подозревать в леваке.

– Раньше было больше выручки, – подозрительно смотря, говорили мне.

Мы открывали тетрадь и шли проверять машины. А тол-

ку? Я не записывал некоторые. И говорил, что они не платили.

Глава 11

Мальчик-одуванчик

В общаге было мало случаев, когда я напивался до беспмятства.

В первый раз, я помню, как сидим в комнате, пьём пиво. А потом хуякс и провалы. Я иду, держась за зелёную стену. Мимо проходят девчата и смеются. Провал. Я сижу в какой-то комнате, а вокруг меня смеются девчата. Провал. Я сижу в своей комнате и мне хуёво. Не знаю почему, не могу вспомнить.

Заходят два парня в комнату.

– Ты, наверное, понимаешь, зачем мы пришли? – спросил один из них.

– Нет. Честно, нихуя не помню! – говорю им я, держась за голову.

– Ты девчонку головой об стену стукнул.

– Пиздец... Ебашьте меня тогда.

Они отпиздили меня. Я заплакал. Они ушли.

Второй случай был в чужой общаге. Я сижу в комнате, бухаю пиво неизвестно с кем. Разговариваю я один. Провал. Вдруг открывается дверь, а там толпа. Один парень говорит:

– Твой друг нам денег должен!

– Какой?

– Тот, которого сейчас нет с тобой.

– Его проблемы.

Провал.

– Давай, как мужики, один на один подерёмся, – говорю я кому-то.

А он, сука, здоровый. На кого рыпаюсь?! Хуй пойми, чё происходит.

Мы выходим в коридор. А там у них ремонт. Весь пол в извёстке. Я встаю в стойку. Удар мне в ебло. Я присел. Провал. Руки в кровавой извёстке, со лба сильно течёт кровь. Провал. Я слизываю со своих рук кровь, как собака. Так и сижу дальше на коленях, не рыпаюсь. А вокруг толпа девчонок и парней. Все смотрят.

– Что здесь за безобразие? – раздался голос какой-то тётки. Все разбежались. Остался только бугай.

Это была вахтёрша. Она вызвала ментов. Я сразу протрезвел.

Началось разбирательство.

– Что случилось? Что не поделили, граждане-студенты?

– Он не из нашей общаги, – сказал бугай, который ударил меня.

– А откуда ты?

Я сказал откуда. Показал паспорт.

– Будешь заявление писать? – спрашивают они меня, заглядывая на кровавый рубец над глазом.

– Он наркоман! Я видел, как он что-то слизывал с руки!

Да я, блядь, даже канабисом и клеем тогда ещё не ды-

шал. Меня удивила такая перемена в бугае. Он боится, что я на него накатаю заяву. Ха-ха.

– Чист я, – сказал я спокойно.

Менты осмотрели мои руки. Прошмонали все мои вещи. Ничего, конечно, не нашли. А я стоял и лыбился на этого ссыкуна.

– Будешь заявление писать? – спрашивают они меня.

– Нет, – говорю я.

Бугая отправили спать. Он ничего мне не говорил. Менты уехали. Время 4 утра. Вахтёрша мне говорит:

– Иди, давай тоже, отсюда.

– Куда я пойду? Можно я до автобусов у вас посижу. Ну, пожалуйста!

– Ну ладно.

Я проспал там до 6 утра, сидя на стуле. А потом ушёл.

Третий случай был, когда мы бухали на скамейке, на аллее. Лето. Цветут и вкусно пахнут липы. Глубокая ночь. Тепло и темно. У нас две гитары. Мы базлаем песни.

– Заткнитесь, суки, заебали! – кричал кто-то с балкона пятиэтажки.

Мы поржали. Стали петь тише. Потом одна из девчонок хватается за голову и плачет. Там кровь. Мы смотрим по сторонам. На балконе стоит дед с винтовкой.

– Я говорил, штоб заткнулись. Сами виноваты, – крикнул он.

– Старый пидарас! – рявкнул кто-то из нас.

– Пиздец тебе! – кричал ещё кто-то.

Мы стали кидать камни в его окно. Дед заткнулся. Закричала его бабка (или не его).

– Я только недавно окна новые вставила! Щас ментов вызову!

Менты приехали быстро.

– Я боюсь ментов! – сказал я и побежал от них.

Они за нами. Мы врассыпную. Я лёг в какие-то кусты. Провал. Я пришёл в чувство только утром. Уже светло. Люди идут на работу. А я сплю в одуванчиках. Ебать-копать! Я поржал над собой и пошёл спать в общагу.

Глава 12

Французы, Хандоны!

Помню было время, когда в букмекерских конторах можно было делать ставки без паспорта, без карточек, то есть без всякой регистрации. Называешь кассирше номера событий, исходы и сумму ставки. Она оформляет и выдает на руки квитанцию. А ты стоишь и наблюдаешь на больших экранах за ходом событий. А потом получаешь выигрыш или выбираешь бумажки в урну.

С 16 лет я начал заниматься этой хуйней. Денег было мало, и почти всё проигрывал. А чтобы чё-то жрать приходилось попрошайничать. Вид у меня был жалкий, поэтому добрые люди часто меня подкармливали.

Первый большой выигрыш был 500 рублей со ставки в 20 рублей. Дальше то выигрывал, то проигрывал. Слушал советы, но я так и не мог их понять. Не видел я тогда в этом деле никакой радости, никакой прибыли, а только душевное расстройство и пустые карманы.

Незаметно ставки стали моей зависимостью, не смотря на все минусы. Таким образом, лишние денежки я старался инвестировать, но неудачно. Конечно, бывали и яркие моменты, только очень редко.

Как-то зимой или весной, не помню точно, проходил чемпионат мира по хоккею. Мы решили посмотреть матч «Рос-

сия – Франция» в конторе и пива побухать.

Я ради прикола поставил на Францию 100 рублей, кэф 30. Мы взяли по банке и упали на синий диван. Нас было трое, не помню, кто такие, но, кажется, хорошие ребята.

Они, правда, посмеивались над моим долбоебизмом.

– С такими ставками ты никогда не будешь в плюсе!

– Мне по хуй! Я посмотреть хоккеей пришёл и побухать, а не играть.

Я молча пил и смотрел хоккей. Русские были великолепны, преимущество было на их стороне. Первый период закончился со счетом 0:0.

– Щас забьют! – говорил кто-то.

Во втором периоде забили французы, русские тут же ответили. Счёт 1:1.

В третьем периоде «красная машина» давила наполеоновских отпрысков, но в конце они допустили ошибку и пропустили. Франция победила 2:1.

Зрители расстроились, мол: «за росею обидно», «Французы, Хандоны».

– А он на Францию поставил! – сказал кто-то, показывая на меня.

– Ты чё не патриот? – спросил меня бухой мужик, рвавший проигранную ставку на мелкие кусочки.

– Это ж, каким Алёшей надо быть, чтобы поставить на Францию?

– Дак, я и есть, Алёша!

– Ну, тогда поздравляю!

Я забрал выигрыш три тысячи в кассе и в этот же день пробухал его большую часть.

Лучший мой совет насчёт ставок – не ставьте. Но если уж решились, то будьте рассудительно-невозмутимо-спокойным евреем (еврейкой).

Глава 13

В драбадан

31 декабря. Канун какого-то лохматого нового года.

Мы угланами собрались в каком-то доме, пьём вкусную брагу, кушаем вкусные пироги. Вино из варенья чуть горьковато на вкус и нисколько не пьянит. Пироги в муке и масле, горячие, очень сытные, солёные. Я съел много пирогов и выпил много розовой браги.

Как только вышли на улицу, на мороз, закурили сигареты, так меня и стало накрывать. И не только меня. Все разбежались кто куда.

Провал. Я пришёл в дом, в котором собирались отмечать новый год. Девочки нарядные красивые делают салаты, сервируют стол. Я пришёл самый первый. Оголодал будто. Меня покормили на пороге немножко.

Провал. Я в абсолютной темноте. Мрак. И вокруг стены. Коробка или багажник. Я не понимаю, где я нахожусь. Вокруг тишина. Я что-то кричу, барахтаюсь в истерике. А потом кончились силы, и я опять проваливаюсь куда-то.

Просыпаюсь дома, в своей комнате. Все бухают, кушают, кричат поздравления.

– Алёша проснулся!

Все смеются, глядя на меня. А мне стыдно.

– Чё было-то? – спросил я мать.

– В ограде под ковшом у трактора ты барахтался и кричал «помогите». Ох, и насмешил ты всех. Почему ушёл от ребят, ты же с ними хотел отмечать?

– Я был там. А потом ничего не помню.

– Ты если не умеешь пить, дак не пей. Нам папашки вашего одного хватает.

– Да первый раз такое. Не рассчитал. Буду меньше пить.

Глава 14

Забота

После того, как отец Декабрины застукал нас почти голышом в спальне, мы с ней всё равно продолжали встречаться. Он больше не врывался в квартиру неожиданно. Наверное, угомонился демон в нём.

Декабрина просила с наступлением нового месяца называть её именем этого месяца. Ох уж эта, романтика! Я согласился. Мне понравилась её задумка.

Так она была Январина и Февралина. А с наступлением марта подкаблучник Лёха и непоседа Марта пошли проводить-навестить её бабушку. Я думал, что в гостях наемся пирогов и конфет. Может быть, у нас появятся деньги на бухло и сиги. Но не тут-то было.

Бабушка была немая и парализованная. А выражение её лица казалось мне злым, обиженным, временами даже свирепым.

Марта дразнила свою немую бабушку и кидала ей в лицо подушку. А потом как ни в чём не бывало садилась ко мне на коленки, и мы сосались при её бабке.

– Грубо ты с ней, – сказал я Марте.

– Нормально всё. Она сама виновата, – сладко отвечала Марта.

– Почему?

– Долго рассказывать. Забей.

Я не стал залазить в чужой монастырь. Марта потянула меня за руку в пустую комнату. Там я лёг на кровать, а она запрыгнула сверху. Ох, как она сосалась. Я чувствовал себя чупа-чупсом, а эта бестия лакомилась мной. Вдруг раздался грохот. Она резко охладела ко мне и спрыгнула.

– Ах, ты сука! – кричала Марта на упавшую старушку.

Мне было жалко бабуку, но это была чужая бабка, чужая забота.

– Давай покормим её, – предложил я.

– Пусть голодом сидит. Она знает за что я с ней так поступаю. Так ведь?

У бабушки выпучились глаза, из них пошли слёзы.

– Ладно, давай покормим, – сжалилась дьяволица.

Марта взяла тарелку с кашей и с ложечки стала кормить бабушку. Бабулька съела две ложки, а третью плюнула на внучку. Марта вновь рассвирепела.

– Да ты ахуела! У меня новые джинсы! Голодом сиди.

Мы ушли. Теперь я смотрел на свою подругу по-новому. Я не боялся и не осуждал её, мне было просто непонятно, в чём причины их вражды. Хотелось понять.

– Грубо ты с ней. Я никогда не видел такого жестокого обращения с бабушкой, тем более своей.

– Ты её не знаешь. Не парься. Забей.

Глава 15

Яблоки

Марта много бухала. Друзья у неё менялись как перчатки. Мне это надоело. Я решил с ней расстаться.

– Я с Мартой хочу попрощаться. Посоветуйте, что сказать, – спрашивал я соседей в общаге.

Никто мне ничего не сказал, потому что все были девственники.

Я придумал, что сказать и стал перед зеркалом репетировать грустное страдальческое лицо. Я решил сказать правду и добавить красивое сравнение, надеясь, что оно утешит девушку.

Вечер. Темно. Я и Марта стоим на ступеньках у входа в общагу. Снег с дождём раздаёт идущим людям пощёчины так, что кто-то плачет, а кто-то смеётся. Марта без шапки, совсем себя не бережёт. А мне мама говорила, что когда на улице холодно и ветрено, и дети без шапки, то они становятся дурачками. Я запомнил.

– Нам надо расстаться, – сказал я сразу сходу в её красивый лоб, на который прилипли вкусно пахнущие чёрные волосы.

– Почему?

– Мне надоело. Я остыл.

– Но, почему? Скажи, что не так!

– Понимаешь, это как яблоки, которые неделю ешь, а они потом надоедают, – вот такую хуету я сочинил и сказал ей.

Она заплакала, а я ушёл. И больше мы с ней не виделись.

В апреле на концерте группы «ЯЗВА» я познакомился с хорошей девочкой по имени Эйприл. Она была выше меня. Волосы рыжие и крепкие до плеч. На лице много веснушек. Само лицо бледное, а губы розовые и сухие. Глаза зелёные. Длинные настоящие ресницы и пышные брови. На ней были короткая юбка, кроссовки и толстовка. Я как маньячина облобызал её мягкие белые гладкие бёдра. Мы с ней гуляли, смеялись и много целовались, дальше не заходили. У неё было много подруг. Среди них я балдел как кот, жрущий сметану или нюхающий валерьянку.

Как-то раз пошёл я с ними на концерт группы «Фигурки из бумаги». Я нажрался тогда, как скотина. Прыгаю в толпе девчат и неожиданно встречаюсь лицом к лицу с одной из её подруг. Мы страстно смотрим друг другу в глаза. Я схватил её затылок, и мы поцеловались. Короче, она ещё пьянее была меня. Вот так мы обнимаемся и целуемся, словно слиплись. А когда я отлипнул, то увидел Эйприл, стоящую рядом и с бешеным взглядом. Она закрыла лицо руками и убежала в туалет. А мне стало тошно и тяжело в груди. Скотина. Я хотел извиниться, но она не слушала и ушла домой.

Потом прошло какое-то время. Я пришёл к ней домой просить прощения. Эйприл была с подругой, бледнущая,

глаза заплаканы. Увидев это милое и страдающее создание, я подумал, что лучше пусть кто-то другой владеет этим сокровищем. Я хабар, только всё ломаю и порчу.

– Эйприл, я бесчувственное гавно. Я помойка. Тебе будет лучше без меня. Прощай.

Я ушёл. Она плакала.

Глава 16

Выгнали

В 2008 году я проходил практику под Губахой в течение месяца. Жили в палатках. Работали в лесу днём, иногда и ночью. В лагере играли в карты или разрушали бобровые плотины с угланами из Александровска. Вечером на час запускали дизельный генератор, и мы всем маленьким лагерем смотрели мыльные оперы на РОССИИ 1. Тогда-то я получил первую зарплату.

– Первую зарплату надо всю пропить, или несчастье будет! – говорили мне в общаге, когда я приехал. А я итак без уговоров собирался всё пропить.

30 августа. Как сейчас вспоминаю. Мы пили пиво и курили в комнате, похуй на запреты. Каменда и воспитка заняты были заселением и оформлением молодняка. Но кто-то всё равно стукнул на нас.

– Лёша, ты чё ахуел?! – кричала каменда, когда забежала в комнату. Она влепила мне пощёчину.

Меня и моих собутыльников выгнали на улицу.

Дальше мы бухали на улице. Ближе к вечеру я почувствовал усталость и сбежал от людей. С толпой молодых я незаметно протиснулся мимо вахты, добрался до своей комнаты и лёг там спать.

Утром меня разбудила каменда, взяла под ручку и пове-

ла к директору Гильдии Чёрного золота (тогда он руководил делами общаги).

– Попался пьяный, – сказала она директору.

– Выселить на полгода. До декабря.

Так я стал жить у дяди с тётёй. Денег за жильё они не брали. Кормили меня и будили на пары утром. А я их обманывал, что пары отменили. У дяди было правило, чтобы до 23:00 я был дома. Я часто нарушал его, тогда он кричал на меня. Но мне было похуй. Моего отца никто никогда не перекричит в моей голове.

В очередной раз я опоздал, и дядя уже не открыл дверь. Нашлись другие добрые люди, которые пустили меня переночевать. Так я стал кочевать по чужим квартирам или комнатам, как цыган. А когда заканчивались деньги, то я возвращался к родственникам. Они ж всегда приютят.

Глава 16

Пора в армию

С Лилией (это были её любимые цветы) мы познакомились на концерте группы «Шарлота Бронте». После нескольких встреч нам было удобно и приятно вместе, и мы стали встречаться. Она была первой, кому я подарил цветы и сделал один идиотский подарок. С ребятами из общаги, ради прикола, мы решили провериться на ВИЧ. И вот у меня на руках оказалась справка, что я чист. Эту самую справку я и подарил Лиле. Она долго ругалась после этого, но потом успокоилась.

– Лёша, я беременна! – сказала Лилия!

Вот так, новость!

– И ты, конечно, хочешь оставить ребёнка? – спросил я.

– Ты больной? Мы ещё молоды. И я не хочу бросать учёбу!

– А я хочу ребёнка!

– Дурак! Я всё решила, буду делать аборт таблетками. Мне нужно четыре тысячи рублей.

– Ну, окей, покажешь узи, дам денег.

Учёбу в Гильдии я забросил и находился в списках на отчисление.

У Лилии был вкусный запах и приятный вкус губ. Я ждал встреч с ней, больше чем чего бы то ни было другого. Я ходил только на пары физкультуры.

Благодаря учёбе, у меня была отсрочка от армии. Как только вышел приказ об отчислении, сразу же пришла повестка. Оперативно! И я был готов идти в армию, я сильно этого хотел. Так как отец и дед служили, то и я буду. Так я решил!

Часть 2

Инкубатор мужиков и психов

2009 год.

– Лиля, ты будешь ждать меня? – спрашивал я свою подругу.

– Ну, конечно! – отвечала она.

И вот я сдаю анализы, снял весь пирсинг, чтобы не выдали жёлтый билет. Казалось всё в порядке, как вдруг: плохой анализ мочи.

– И что мне делать? – спрашивал я у комиссии.

– Нужно сдавать повторный анализ. Но у нас такие правила: если анализ мочи плохой, то необходимо пройти обследование у дерматолога. – ответили мне из комиссии.

И я отправился к дерматологу, там мне сказали:

– Раздевайся, покажи пипиську! Одевайся! Вот тебе бумага и ручка, пиши все свои половые связи за полгода, по-временённо, пофамильно.

– Это ещё зачем? – удивлённо спрашивал я.

– Тебе сказали, пиши, значит, молча, сиди и пиши! – ответила строгая врачиха.

С трудом, но я постарался вспомнить всех (я не изменял Лиле) и записал всё на бумаге. После того, как врачиха прочла фамилии, она сделала такой вывод:

– Вот тебе направление, сдавай кровь на сифилис!

– Какой сифилис? Кто из них? – возмутился я.

– Мне нельзя этого говорить! Не задерживайте очередь, молодой человек, идите!

– Ну, уж нет, я теперь с места не сдвинусь, пока не скажете, кто из них! – настаивал я.

Женщина быстро сдалась, к моему удивлению, и ткнула пальцем на фамилию. В этот момент я немного потерял равновесие и ошеломлённый такой новостью отправился домой. Всю следующую неделю в ожидании результатов анализа, я был как на иголках. Друзья от моего рассказа заливались смехом, говоря так:

– Она специально тебя припугнула, чтобы у тебя меньше баб было! Мужененавистница, наверное.

Пришли результаты. Слава небесам! Чист! И теперь я стал ждать повестки в сборный военный пункт Пермского края.

Повестка пришла как раз в тот момент, когда я копал грядки. Я воткнул лопату в землю и начал бухать.

Проводы прошли шумно и весело, меня побрили на лысо под тройку. Самое частое пожелание и тост были такие:

– Ты служи, как я служил, а я на службу хуй ложил!

В сборном военном пункте Пермского края мне предстояло пройти повторную медицинскую комиссию и ждать «покупателей». В конце обследования я изъявил желание служить в морском флоте, как мой отец и дед. Мне сказали,

что учтут мои пожелания. И наступило время томительного трёхдневного ожидания. На третий день нас построили и сообщили такую новость:

– Господа, будущие солдаты! Государство предоставляет вам уникальную возможность – **ИСПРАВИТСЯ!** После прохождения службы ваши судимости будут вычеркнуты, забыты. Вы будьте **ЧИСТЫ!**

У меня была условная судимость. И что интересно, почти все были когда-то судимы. Я свой получил в 17 лет (и, конечно, по-пьяни), с Лёликом и Боликом угнали мотоцикл у одиноко-живущего деда. Мы хотели прокатиться и вернуть его. Но приехав в деревню Юг (Болик не смог поехать, потому что выпал из коляски на ходу, исцарапав всю спину асфальтом), напились браги на димедроле и нас отрубило часов на 15. Проснувшись, все говорили, что нас ищут менты. Приехал мой батя с братьями, и забрали мотоцикл. А мы с Лёликом шли пешком 15 км обратно, по пути я пил из лужи, блевал фонтаном. Когда блудный сын вернулся домой, мать повезла меня в ментовку и сказала, чтоб я во всём признавался. Лёлик тоже потом во всём признался. Состоялся суд, на котором не было пострадавшего (хозяин мотоцикла). Судья спросил матерей (которые ревели горючими слезами), не против ли они провести следствие без него, на что те утвердительно кивнули. И нам дали по году условно. А могли бы и ничего не получить, ведь что это за суд без пострадавшего??? Но благодаря адвокатше (госу-

дарственная бабка), прокурорше (злая тётка с большими зубами, требовавшая для нас два года колонии), судья (ему на всё было наплевать), и нашим рыдающим матушкам, нам дали сроки. А не бывает суда без потерпевших (или пострадавших)! А не было его, потому что мотоцикл мы починили и вернули. Дед написал письмо, что претензий к нам не имеет (есть и другие способы, избавиться от пострадавшего). Но, несмотря на это, дело наше продолжали вести.

Такая новость нас всех приятно удивила. Мы стали обсуждать, у кого какие были судимости, мечтать о том, чем будем заниматься после армии.

Я не хотел учиться дальше на подмастерья геолога. Теперь я мечтал стать криминалистом. Но с условием меня бы не взяли. А тут погасят! Может быть, возьмут, – фантазировал я.

Последнюю ночь на родине я провёл у Лили. Мы прощались: обнимали, целовали и нюхали друг друга, как будто в последний раз. Но мне мешали клопы.

– Почему клопы не кусают тебя? – спрашивал я у неё.

– Потому что они привыкли ко мне, для них я своя! – отвечала Лиля.

Видимо, ко мне клопы не собирались привыкать. В последнюю ночь они жрали меня так, что я не выспался и весь чесался.

Прибыв в расположение части, нас в последний раз осматривали врачи и выдавали армейскую форму.

– У тебя чесотка? – спросила женщина в белом халате.

– Нет, это клопы! – ответил я.

– А может чесотка? И тогда ты не пойдёшь в армию... – намекнула она.

– Нет, нет! Это клопы искусаили меня! Вот, присмотритесь!

Ребята окинули меня непонимающими взглядами. Тогда я и сам задумался: столько препятствий на пути в армию, благодаря которым можно «отмазаться», а я, как дурак, упираюсь: «ХОЧУ В АРМИЮ!».

Железнодорожный вокзал, поезд. Дорога в маленький алтайский городок Малейск. Наши «покупатели» порекомендовали нам, уничтожить все продукты и бухло в дороге, потому что в части всё отберут. И мы последовали их совету. Всего нас было пятьдесят человек из Пермского края. Кто-то дружились, кто-то ругались, кто-то были изгоями.

В Малейск мы приехали ночью в КАМАЗе. В казарме нас разули; забрали все не нужные вещи, оставили только мыльнорыльное; выдали форму и бельё постельное; ещё раз побрили нам головы под ноль; некоторым, кто много тупил, чуток помяли рожи.

Первый месяц – КМБ (курс молодого бойца). Нашей ротой командовал разведывательный взвод, командиром которого был капитан Кречет. Утро. Зарядка. Строевая подготовка. ОГП – общественно-государственная подготовка.

– Кречет! – крикнул сержант Дроздец.

– Я! – откликнулся я.

Все обернулись в мою сторону. Другие сержанты смеялись.

– Вот, у нас командир – капитан Кречет! Как он нас дрочит! Не повезло тебе с фамилией, рядовой Кречет! – шутил сержант Дрозд.

Моя редкая фамилия в родных краях деревни Хабарки оказалась распространённой в алтайском крае. «А вдруг мы с этим капитаном какие-нибудь далёкие родственники?» – задумался я и начал искать сходства во внешности и поведении. Он был высокий, коренастый, строгий и весёлый одновременно. Лицо прямоугольное с чётко выраженными чертами. Глаза карие, большие, хищные. Вот сокол, дак сокол, не то, что я: маленький, худой, улыбка на пол рыла упирается в зелёные и добрые глаза. Нет сходства никакого. Но если бы я стал разведчиком, то называл бы его Батей.

На первом уроке ОГП контрактники устроили допрос.

– Во второй роте произошёл неприятный случай: срочник прыгнул на офицера с заточкой. Поэтому, сейчас выходим по одному к доске и рассказываем у кого, за что были судимости, – сказал сержант Дрозд с выпирающей нижней челюстью.

Мы по очереди выходили к доске, и каждый рассказывал свою историю.

– Начнём с Кречета! Рядовой, Кречет! – скомандовал Дрозд, расплываясь в довольной улыбке.

Я назвал номер статьи, выйдя к доске.

– Я не знаю статей. Рассказывай, что натворил!

– Мотоцикл угнали...

Тут весь класс засмеялся, и меня отправили на место.

– Разбойное нападение. По малолетке толпой ограбили и избили женщину... – рассказывал кто-то.

– Как подло! Значит, замаливать грешок здесь будешь! – шутил Дрозд.

К доске вышел маленький рядовой Мидинов 160 сантиметров ростом.

Он гордо назвал номер статьи.

– Ты в уши долбишься?! Я не знаю статей!

– Тяжкие телесные... – сказал он, чуть смущаясь.

– Ну, дела! А за что?

– Да, из-за бабы!

К доске вышел Юра Стоянов.

– Я обокрал столовую! – признался он.

– Оголодал?! – засмеялся сержант Дрозд и остальные.

– Это ради сестры, с которой мы жили в детском доме, она была голодная. Так я хотел её накормить, но попался...

Тут все затихли, повисло молчание. Юра вернулся на место и тихо сказал:

– Держите, подачу, суки!

Большинство были судимы за разбой и воровство. Человек пятнадцать вообще были никогда не судимы. Некоторые имели уже высшее образование и детей.

Оказалось, что в части, в которую мы попали, раньше служили одни контрактники. Эту часть расформировали, и мы были тут первыми срочниками. Более того, многие из нас были судимы. Вторая рота была особенным местом, в ней собрались ребята, которые мотали сроки в детских колониях. В армии выражение мести, или ответа на оскорбление чувств, было следующим: суицид – повешение, вскрытие вен, прыжок из окна, выпить хлорки, словесно унижить сержанта, ударить сержанта, ну и крайнее покушение на жизнь оскорбляющего. Что-то подобное произошло во второй роте. После случая с заточкой в этой роте установились самые жесточайшие условия: там командовали суровые, мало сговорчивые офицеры и контрактники. Клин клином вышибается.

После ОГП, а точнее наших признаний, прошла вечерняя поверка и прозвучала команда:

– Рота, отбой!

Солдаты разлетелись, как мухи, по кубрикам и улеглись спать. Во сне я представлял, как вся армия пролетит мимолётно, незаметно, как я вернусь домой в объятия изголодавшейся Лили, как я буду обнимать, и целовать её, только об этом были все мои мысли, хотя прошло всего две недели нашего расставания.

– Третья Рота, подъём! – прокричал чей-то голос.

– Третья Рота, подъём! – повторилась команда.

А третья рота – это был я и весь наш кубрик, в котором бы-

ло восемь человек. Мы непонимающе глядели друг на друга и выбегали в коридор. А там стоял пьяный молодой парень и кричал:

– Третья Рота, подъём!

– Я, младший сержант Барабанов! – объявил он собравшимся.

– Упор лёжа принять! – командовал он.

Все приняли упор лёжа.

– Раз, два, раз, два! – командовал он.

– Будем качаться до тех пор, пока не выйдут все! – объявил он.

– Раз, два, раз, два!.. – говорил он пьяным голосом, а мы отжимались, ожидая остальных.

Это ожидание озлобляло общее настроение против других. И те ребята, которые вышли из кубриков последние, запомнились нам навсегда.

– Рядовой, Имя, Фамилия?! – спросил Барабан последнего прибежавшего.

– Рядовой Гус! – картавя, ответил парень с маленькими голубыми глазами и большим носом.

Младший сержант Барабанов в это время держал в руках швабру. Он приказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.